

Симбиоз «мифологического» и «исторического» времени и памятники древнерусской литературы

С. Д. Илиев

Мы принадлежим культуре, в которой тотально доминирует концепция физического времени, что определяет трудность понять иные представления о времени, характерные для других эпох и цивилизаций. Традиционно представления о времени, отличные от физических, описывают как оппозицию им. Так, мифологическое время представляют как оппозицию к физическому по следующим осям: цикличное – линейное, обратимое – необратимое, неравномерное – равномерное, иерофанно – профанно, нереальное – реальное, неисторичность – историчность, алогичное становление вечности – изменчивость и т. д.

Однако такое представление недостаточно корректно из-за того, что при такого рода сопоставлении не учитываются отличия универсумов действия обеих категорий, не указываются ясно их общие части. Оппозиционный подход привел к представлению о несовместимости двух видов времени и переходу от представлений о мифологическом времени к представлениям о времени единственно как о физическом. В исследованиях все чаще отмечается ограниченность приложимости оппозиционного подхода¹ и единственность категории, связанной с фиксацией времени².

Мифологическое время, является частью мифического универсума, оно присуще среде, зависящей от культуры, а область его понятийного проявления может варьировать от сферы мифологем творения до мифологического слоя языка³ и структур духовно-космических элементов (в индийской культурной среде). Уже это определяет вплетение мифического времени в организм культуры, пересечение его с психологическим временем, литературным временем и др. Выявленная связь мифического с архетипическим в человеческом познании определяет его связь со структурой мировосприятия, а связь мифического с личностным бытием, с интеллигенцией жизни⁴ связывает его с ценностными представлениями о жизни.

Поскольку мифологическое время связано не только с физическим универсумом, ряд его специфических черт выявляется при сравнении физического универсума с временными особенностями других универсумов. Мифологическое время часто противопоставляют историческому, рассматривая его как неисторическое, противопоставляющееся истории, а поскольку историческое время наделяют векторными характеристиками, мифическому времени приписывают не векторные.

¹ См. Ассман Я, Египет: теология и благочестие ранней цивилизации, М., 1999, с. 123.; Островская Е. П., Рудой В.И. Категории буддийской культуры, в Васубандху, Энциклопедия абидхармы, раздел III, IV, М., 2001, с. 41.

² О тройной модели времени в "Бхагавадгите" см.: Пятигорский А. М. Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа. - М., 1996. с. 17-53; о двойном времени в Древнем Египте в: Л. П. Илиева, С. Д. Илиев, Феноменология времени в древнеегипетской мифологии, *Религиоведение*, Москва, 2002, 3, 138-150.

³ Исследования начаты А.А. Потемной.

⁴ См. Лосев А., Диалектика мифа.

Категория «историческое время» дистанцируется от представлений о физическом времени, не являясь единственно суммарной хронологией проявления исторических событий на физической временной шкале. Собственно «историзм» ускользает при ограничении исторического континуума до физических пространственно–временных событий⁵. Континуум истории включает в себя «очеловеченные события», имеющие не только физическую подоплеку, но и «осмысленные», «сгруппированные» в категориальные целостности. Последние можно определить как «сложные» элементы. Например, событие «Троянская война» есть совокупность множества реализованных событий в разные временные и пространственные моменты физического времени, объединенные в одно целое человеческим критерием. Каждый исторический универсум, имеющий место в соответствующем обществе, культуре, характеризуется набором подобных «очеловеченных» элементов, связанных с жизненными процессами, использует специфические критерии их формирования⁶. При проецировании исторического времени на физическую временную шкалу временные особенности сложных исторических элементов вносят эффекты «неравномерности времени», которое может выродиться до сгустков, интерпретируемых как вклинивание вневременности, вечное в хронологическом потоке; часть этих сгустков времени можно интерпретировать как вклинивание мифологического времени в хронологический поток. Часто переданные в письменных памятниках временные неравномерности имеют целью описать характеристики потенции целостных жизненных явлений, определяющих сложные исторические элементы⁷. Последнее можно реализовать, и не соблюдая физическую последовательность отдельных действий (что имеет место в житиях святых). Указание на уход от характеристик физического времени удачнее трактовать не как уход от историчности, а как метод внесения историчности, смысла.

При преобладании временных аспектов сложных исторических событий в историческом универсуме, на передний план выходит эффект дробления времени на интервалы, связанные с «разворачиванием» в физическом времени сложных элементов. Возьмем для примера понятие «война». На временной шкале война локализуется как обособленность времени от начала войны до ее окончания. С этим историческим интервалом ассоциируется целостный процесс, конечная точка которого может восприниматься как реализация этого процесса (отсюда и одностороннее представление о том, что каждый исторический процесс ведет к гибели). Благодаря представлениям о конечных точках, прерывностях⁸ в представления о жизненных процессах в историческом универсуме привносится процессуальность и цельность. Наличие последовательности однотипных сложных объектов иногда интерпретируется как «цикличность».

⁵ Бердяев противопоставляет историческое время физическому, упразднившему бытие. «Смысл мировой истории, связан с религиозным соединении судьбы личности и судьбы вселенной». Н. Бердяев, *Философия свободы*, М.: 1989, с 127.

⁶ Анализ истории с точки зрения неких критериев группировки событий ведет к иллюзии единственности исторического времени. Так, в христианстве работы Августина принимают за начало историчности.

⁷ Нечто подобное наблюдается и в *Художественном времени*.

⁸ Это близко «Замкнутому» (сюжетному) времени, выделенному Бахтиным.

Перенесенные на физическую временную шкалу, сложные элементы приносят эффект необратимости исторического времени, так как каждый жизненный процесс протекает от начала к концу (а не наоборот). В совокупности, они определяют направление временного вектора и дают возможность удлинить историю.

Угол, под которым было рассмотрено историческое время, показывает, что его характеристики сходны с характеристиками мифологического времени, схожей является и форма, под которой эти характеристики проявляются в историческом универсуме. Вторжение мифологического в историческое проявляется, прежде всего, через соотношение сложно-исторических элементов с мифологемами. Мифы творения рассматривает обычно становление одушевленностей, жизненностей в нем, «окультуривание» мира (что прослеживается, например, на характеристиках греческого космоса). Обособление жизненных процессов можно связать не только с архетипическим актом начального одушевления, но и с формированием разнообразных «икон» (в качестве таковых могут выступать жития, мифологизированные действия и др.), которые постепенно оттесняют мифы о творении.

Человек является частью живого и динамичного исторического универсума, обладает способностью влиять на него, в частности - актуализировать архетипические жизненные процессы, с чем связано прочтение мифологем, их текстовая актуализация. Имитацию архетипов и повторение парадигмических действий можно трактовать, не в духе Элиаде – как отмену времени⁹, а как наделение времени смыслом.

При преобладании в историческом универсуме событий, сгруппированных преимущественно набором классических мифологем, историческое время можно определить как полностью историко-мифологическое. В случае преобладания мифологем, производных от элементарных жизненных событий, историческое время становится историко - профанным. (создание мифов с целью осознать или создавать исторический универсум продолжается и сейчас).

Симбиоз исторического и мифического с его специфическими проявлениями явно выражен в восточнославянских текстах XI–XV вв.: летописях, грамотах, житиях. Мир, выявляющийся в этих текстах, показывает систему разных уплотненностей времени, проявление разнообразных эффектов динамизации времени. В культуре, в которой усвоено календарное время, летоисчисление, принята физическая шкала измерения времени, время представляется как функция уплотненности жизненных действий и процессов. Передача же сакрального, нефизического связана с целым набором уникальных сюжетных, языковых, синтаксических средств. Сюжетные особенности мифологем легко выявить в летописях и житиях.

Необходимо подчеркнуть, что человек той эпохи действительно жил в другой временной среде, формировавшейся специфическим набором мифологем, связанных со своеобразным одушевлением жизненного пространства. Необходимо также учесть, что и слова в этом универсуме имеют отличные от нынешних смысловые нагрузки. Показательным, например, является древне русский

⁹ М. Элиаде, Космос и история, М., 1987, с. 56.

модальный глагол *хотѣти*, проанализированный Э. Г. Шимчуком¹⁰. Уже в текстах X века этот глагол встречается в значении выражения желания, часто встречаются контексты, в которых при помощи этого глагола выражается предопределенность будущего поведения субъекта, указывается на признак события, к которому имеет отношение данный субъект.

Примером использования синтаксических средств для усиления передачи пульсации времени в древне русских текстах X-XV веков является конструкция цепочного нанизывания. Для этих текстов характерно сочетание и чередование в едином смысловом контексте форм глаголов настоящего времени как совершенного вида, так и несовершенного вида с формами прошедшего времени. Неравномерность времени призвана придать текстам религиозного смысла. Этот принцип стал приметой церковнославянского текста.

¹⁰ Э. Г. Шимчук, Русские модальные глаголы в диахронии, В сб. Русский язык: исторические судьбы и современность, М., 2001, с. 68.